

Орб3.373
М74
А-373095-кр

Вячеслав Моисеев, Сергей Хомутов

ХО-МО НОМИНИ,
или

Во дни нашей относительной молодости

Op 63.343
M 74

Op 63.343

63.3(2Рсс-40ре-20ре)6

Г.
Вячеслав Моисеев,
Сергей Хомутов

ХО-МО НОМИ,

или Во дни нашей относительной молодости

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. В. И. Крпской»

Оренбург 2018

а-343095

КД

Что есть история?

Вопрос, вынесенный в заголовок, может показаться странным. Ведь даже четвероклассник знает, что история – хронология событий, произошедших на Земле за весь период существования человечества.

По логике, история должна служить бесценным опытом для современного поколения людей, считает мудрый Хо (Сергей Хомутов). Однако изречения известных деятелей свидетельствуют об обратном: «Главный урок истории заключается в том, что человечество необучаемо», – говорил Уинстон Черчилль. «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков», – писал Василий Ключевский.

И все-таки, что такое история? История войн и мирных договоров, возвышения и падения империй или история жизни простых людей? История – это то, что ты можешь рассказать другу, и ему будет интересно, даже порой смешно, и станет ему на мгновение счастье, уверен веселый Мо (Вячеслав Моисеев).

Сейчас, зайдя в книжный магазин, можно увидеть там сотни книг о повседневной жизни – Москвы в Сталинскую эпоху, нацистских концентрационных лагерей, алхимиков в Средние века, армии Александра Македонского, балерин Русского императорского театра, блокадного Ленинграда, Британского парламента...

В моду входит «история повседневности» (everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne) – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения, объясняет начитанный Хо.

Примечательно, что «история повседневности» окончательно оформилась в отдельную отрасль лишь в 60-е годы прошлого века. Хотя тема повседневности волновала историков и до этого: изучением и описанием как самого явления, так и некоторых его структур занимались разные науки и научные школы.

Конечно, ни о какой такой оч. умной теме повседневности не думали авторы этой книги, когда в 2006 году откликнулись на предложение главного редактора оренбургского глянцевого журнала с англоязычным названием «Night Vision» («Ночное зрение», или, как удачно пошутил один коллега, «Нихт вижн») Максима Курникова «вести какую-нибудь рубрику». Ну, Хо да Мо и тогда уже были не слишком молодыми, дни их относительной молодости давно миновали к тому времени, а потому они предложили такое: мы, мол, будем писать о том, как это оно тут у нас было лет 25–30 назад. Максим Владимирович с лёту идею подхватил, и за пару лет вышла в «Night Vision» дюжина статей под рубрикой «Хо-Mo homini». Название рубрики проистекает, как вы, конечно же, понимаете, из латинской пословицы «homo homini lupus est» – то есть «человек человеку волк». А у наших авторов получилось так: «Хомутов и Моисеев – человеку». Вполне вегетариански. Из тех заметок и составила́сь эта книга, отмечает оч. вьедливый Мо.

От чего они, Хо-Мо, отгалкивались? Еще в 1926 году вышло первое издание книги «Москва и москвичи» Владимира Гиляровского. Автор этих строк, тогда еще ни разу не бывавший в Москве, в ранней юности в 1970 году читал и перечитывал эту книгу. Почему? Потому что было интересно, как жили люди в конце XIX века. Популярность этой книги многие критики объясняют тем, что дядя Гиляй (прозвище Гиляровского) был известным репортёром.

Примечательно, что оба равносерьезновеселых автора книги, которую вы держите в руках, – тоже известные оренбургские журналисты. Может быть, именно это помогло им в написании книги сей.

В любом случае, если хотите побольше узнать о жизни Оренбурга и страны в 1960–70–80-е годы, прочитайте её.

И ничего вам за это не будет.

Всеволод ПАНКРАТОВ

1.

Бледная желтизна в объятиях цензуры

Очень часто в истории заботу о нравственности большинства членов общества брало на себя государство. Так появлялись запреты и всякого пошиба цензура. Сейчас от старшего поколения можно услышать, что «в старину оно крепче было», «в СССР-то вот сексу не водилось», а Моральный кодекс строителя коммунизма во дни нашей относительной молодости был не так уж и плох. Всех, кто готов этому поверить, отсылаем к роману Джорджа Оруэлла «1984», где в очень точной, хотя и гротескной форме показана тоталитарная действительность псевдосоциалистического государства.

ХО: Поврежденная природа

С точки зрения христианства, божественная природа человека повреждена первородным грехом, и требуются значительные личные усилия каждого человека, чтобы приблизиться к гармоничному восприятию действительности и уничтожению в себе «ветхого человека».

Несмотря на то, что нынешняя волна желтизны и мусора огромна и при этом востребованна, вышеуказанные «Ж» и «М» существовали всегда: и на Востоке, и на Западе, и при царе-батюшке, и при коммунистах.

В 1960-е годы капиталистические страны захлестнула волна неконформизма – на смену потребительским инстинктам «дети цветов» – хиппаны – выводили всеобщую любовь (чаще всего половую) и поиски новых смыслов (чаще всего с помощью марихуаны и ЛСД). Мощный антибуржуазный студенческий протест с баррикадами в Париже – 1968 и толпами фанатов рока в Вудстоке – 1969 закончился, вчерашние хиппи превратились в яппи и продолжили вслед за отцами ковать деньги.

Мусор и желтизна – категории надвременные и наднациональные. Прочитайте статьи Льва Толстого или Владимира Гиляровского, напечатанные в начале XX века. Вам станет ясно, что история развивается не по спирали, а замкнута в пресловутый круг.

Разорвать его может только личная воля каждого, кто возьмет в качестве генеральной линии поведения совет христианского богослова III–IV веков Тертуллиана о том, что можно сосуществовать с язычниками, но разделять с ними общие нравы недопустимо. Впрочем, тут уж у кого какой характер.

Цензура, введенная в Советском Союзе еще в 1918-м, не была потребностью общества, но к ней скоро привыкли, ибо серьезные дискуссии у нас были попросту запрещены. Тотальный контроль над вектором мыслей своих граждан осуществляла КПСС – «руководящая и направляющая сила общества» (сейчас кажется диким, но это было записано в Конституции СССР!). А значит всё, не вписывающееся в идеологию курса на построение коммунизма, было лишено коммуникационных потоков. Источником получения альтернативной информации были разговоры на кухнях и «вражеские» радиостанции, вещавшие на русском языке: «Голос Америки», Би-би-си, «Свобода»,

ХО-МО НОМИНИ, или Во дни нашей относительной молодости

«Свободная Европа» и некоторые другие. Их у нас глушили «белым шумом», то есть специально создаваемыми электромагнитными помехами. Только в 90-х я узнал, что одна из таких «глушилок», так называемая четвертая станция, располагалась неподалёку от современного Загородного шоссе, при съезде на улицу Салмышскую. Самое парадоксальное в этой ситуации, что в 90-х годах именно отсюда стало вещать «Эхо Москвы» в Оренбурге.

Но вернемся к прежним временам. Многие, особенно те, у кого имелись хорошие радиоприемники, исхитрялись слушать «вражеские голоса». Надо сказать, кроме политических новостей, иностранные радиоСМИ удовлетворяли потребности советских граждан в информации о шоу-биз-кумирах, и не только западных. Кто на ком женился или кто с кем развелся, кого и почему отстранили от выступлений, жители одной шестой земной суши узнавали из западного эфира. Достаточно сказать, что о смерти Владимира Высоцкого в дни московской Олимпиады 1980 года мы узнали не из новостей советских телерадиоканалов, а от «Голоса Америки».

Социальный протест в Союзе был вялым, исходил от молодежи и выражался в основном в стилях одежды. Если брать 1970-е – начало 80-х, то в Оренбурге мелькало несколько битников, с **десяток конкретных хиппи и просто сотни молодых людей с длинным хайром. Их почему-то** ассоциировали не с хиппарями, а с длинноволосыми музыкантами группы «Битлз», так и называя – «битлаками».

Настоящим феноменом Советского Союза были анекдоты, передаваемые из уст в уста. В газетах их, как сейчас, не печатали. Скорость анекдотораспространения была феноменальной. Хотя много раз бывавший в студенческие годы в международных молодежных лагерях, где собирались «дети разных народов» со всего Советского Союза и его окрестностей, всегда удивлялся тому, что свежие анекдоты одновременно появлялись в самых далеких друг от друга точках необъятной Родины. Это было что-то вроде лакмусовой бумажки: молниеносно расходились в обществе именно те анекдоты (политические, вестимо), которые наиболее точно отражали состояние этого самого общества. В подцензурной стране только они сообщали правду, хотя и сублимированную, как нынешние быстрорастворимые обеды: съел – и порядок!

При Брежнев за анекдоты уже не сажали, как при Сталине, но могли пожурить в парткоме-

месткоме-комитете комсомола. Поэтому в неблагонадежной компании, когда рассказать нельзя, но страсть как хочется, прамбулой к политическому анекдоту часто служила такая фраза: «Вчера какая-то сволочь в троллейбусе рассказала. Хотел морду набить, да народу было много, не дотянулся».

Первый антикоммунистический урок маленький Хо получил в 1970-м, в год столетия великого вождя Владимира Ульянова-Ленина. Чем больше промывала мозги официальная пропаганда рассказами о Ленине и любви к нему простого народа, тем больше появлялось замечательных анекдотов. Оцените, сограждане. «К столетию В.И. Ленина тружениками страны выпущены следующие товары: трехспальная кровать «Ленин с нами», коньяк «Ленин в Разливе» (если кто не помнит, летом 1917-го вождь скрывался в местечке Разлив под Питером), а также часы, в которых вместо кукушки выезжал Ильич на броневишке и вещал, вытянув руку: «Ку-ку, товарищи! Ку-ку».

Одни говорили, что эти анекдоты специально сочиняли в ЦРУ. Другие утверждали, что их придумывали в КГБ – для выявления неблагонадежных.

Хо до сих пор колеблется между этими двумя утверждениями.

МО: «Шум в джунглях» стих, тарелки не летают

И ничего-то в СССР не было: ни секса, ни кекса, ни свободы слова. Только не говорите, что у нас не было желтизны. Была! Правда, очень бледная, но все-таки. Желтизна предполагает не совсем адекватный взгляд на вещи. Проще говоря, где нормальный гражданин видит облако, там человек, склонный к желтизне, фотографирует летающую тарелку.

Кстати о тарелках. НЛЮ в Советском Союзе водились! Молодежь могла не верить в победу коммунизма во всем мире (США и Бруней включительно), но хоть самое завалящее летающее блюдце видел в своей жизни каждый уважающий себя юный интеллект. «Да, знаете, я сам бы никогда не поверил, но прошлым летом в Кувандыкских горах лежим это мы часа в три ночи с одной герлой на земляничной поляне, и вдруг над нами проносится всё такое овальное серо-голубое...» Году в 1976-м, если память мне не изменяет, главная областная (партийная!) газета «Южный Урал» чуть ли не полполосы формата А2 (никаких «толстушек» А3 тогда и в помине не

было) отвела подробнейшему отчету о «небесном феномене» над Оренбургом: и промоина в небе случилась, и сфера из нее вынырнула, и в полусферу превратилась, и лучами народ прощупывала, и т.д., и т.п. Свидетелей неспровоцированной атаки НЛО на Оренбург были сотни, если не тысячи. Пospошайте старших, они расскажут.

Не знаю, что тогда кувырчалось в небе над областным центром, но вот историю с эскортом летающих тарелок, сопровождавшим рейс «Аэрофлота» Тбилиси – Минск, расписанную в январе 1984-го газетой «Труд», позже мне расшифровали знакомые военные: «Ну просто наши кое-что секретное там испытывали, и случайно это что-то залетело в зону полетов гражданской авиации, а летчики раструбили, а газетчики раззвонили». Закон разведки: 95 процентов информации о противнике добывается не из его бронированных сейфов, а из открытой печати и общения с людьми. Короче, вражьи шпионы из заметки нашей главной профсоюзной газеты (кстати, всегда отличавшейся стремлением побаловать своего читателя какой-нибудь «клюковкой») свои выводы сделали. А главный редактор «Труда» вскоре «по собственному желанию» передал свое издание менее падкому на нездоровые сенсации коллеге.

Кстати о сенсациях. Буквально следуя заповеди одного из персонажей «Сказки о Тройке» братьев Стругацких – «Народу не нужны нездоровые сенсации. Народу нужны здоровые сенсации», – большинство редакторов немногочисленных в советские годы оренбургских СМИ (от «многотиражных» фабрично-заводских и районных до областных) все же отдавали себе отчет в том, что одними передовицами о надоях и привесах да вестями с заседаний партхозактива читатель/зритель/слушатель сыт не будет. Поэтому и появились после смерти Сталина, в годы хрущевской оттепели, рубрики типа «Отовсюду обо всем», «Ну и ну!», «Пестрый мир». Там, в конце номера либо под занавес эфира, на закуску после пресных реляций об очередных трудовых победах рассказывалось, что колхозник Сидоров вырастил «вот такую репу», рабочий Сидоренко нашел в лесу «вот такой гриб», служащая Сидорян вяжет носки из воробьиного пуха, а пенсионер Сидоридзе не только дожил до 120 лет, но и занимается художественным свистом, да так свистит, что все орлы с окрестных гор слетаются, за что, конечно, спасибо родному правительству.

Вот чего я лично в годы детства своего не знал, так это слова «трэш». Оно в наш обиход вошло

только в 1980-е, когда добрый журнал «Ровесник» пропихнул его своим читателям через цензурные рогатки. Тогда мы и уразумели, что на успешно загнивающем Западе появилось новое музыкальное направление, что-то вроде постпанка. На том все и заглохло. Никаким трэшем в нашей молодости и не пахло. Все советские рок-группы... Написал и тут же подивился: словосочетание, двадцать пять лет назад казавшееся нормальным, сейчас воспринимается как пара несводимых понятий – «советские» и «рок-группы». А ведь были такие и посейчас есть, только уже российскими их кличут... Так вот все советские рок-группы трэшней не страдали. Даже панки типа Майка Науменко. Хотя, по большому счету, ну какой Науменко был панк?! Разве что его друга Свина в трэшевцы записать можно было бы, да и то с натяжкой.

Советско-русский рок реально боролся за что-то доброе и светлое, не стараясь плюнуть власти в лицо явно, чтоб не повинтили, но и не прогибаясь перед ней, ибо это противоречило самой сути «музыки бунта». Все рокеры хотели быть не хуже, чем Моррисон, Хендрикс, Леннон или, на худой конец, Билли Джоэл.

Но когда сей последний в конце 1980-х на волне перестройки в числе первых западных «звезд» прикатил в Москву и Сергей Минаев выдал шуточку: «Убили Джоэла!.. Убили Джоэла!.. У Билли Джоэла гастроли в СССР!», меня лично постигло некоторое разочарование. По моему убеждению, на «звезду» Билли не тянул. Равно как и безголосая Мадонна, не говоря уже о М. Джексоне.

Так что теперь я слушаю песни весьма ограниченного круга спутников моей молодости: «Битлз», «Пинк Флойд», кое-что из «Дип Пёрпл», «Роллингс» и, пожалуй, «Джетро Талл». Ну и наших, само собой. «Воскресение» и «Пикник» в первую очередь.

«Шум в джунглях» стих, тарелки больше не летают. Но иногда на исходе мирного дня трудового, уставший, будто собака после охоты, я смотрю в ночное небо и шепчу, как в молодости: «Заберите меня отсюда. Не навсегда. Хоть на денек». Потом это проходит. Я иду домой – меня там ждут, и слава Богу.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66